

Станислав РАССАДИН,
обозреватель «Новой газеты»

Среди кличек, которые в разные времена истории советской литературы получали писатели — отдельные или целыми группами, — бывали, к примеру, «кулацкий поэт» или «безродный космополит». Была и высокомерно-снижательная: «попутчик». «Под попутчиками партийные документы и марксистская критика понимали отряд писателей, отражавших идеологию советской мелкобуржуазной интеллигенции, которой свойственны были значительные политические колебания, но которая тем не менее стремилась к сотрудничеству с пролетариатом». А можно, даже логичнее, перевернуть: «которая стремилась к сотрудничеству, но тем не менее...».

Это — из «Литературной энциклопедии» 30-х годов, и в данный отряд зачислялись Тихонов, Луговской, Федин, Леонов, Бабель, Пришвин, Олеша, Катаев, Багрицкий, Эренбург, Алексей Толстой, Пастернак. Одно время даже Горький. И Маяковский, которого это раздражало: «Но кому я, к черту, попутчик? Ни души/ не шагает/ рядом». Но — не Мандельштам, не Ахматова, не Булгаков.

Это — враги, и характерен диалог, записанный женой Булгакова. Стихотворец, единственной гордостью которого остается текст песни «Вечер на рейде», встретив Михаила Афанасьевича в памятном 1937-м, поразится, что тот еще цел: «Позвольте!!! Вы даже не были в попутчиках! Вы были еще хуже!». «Ну что может быть хуже попутчиков», — отзывается Булгаков, отличнейше зная, что «может».

Из той же энциклопедии: «Творчество Мандельштама представляет собой художественное выражение сознания крупной буржуазии...». В отличие, значит, от «мелкобуржуазных» Бабеля и Пастернака. «Ахматова — поэтесса дворянства, еще не получившего новых функций в капиталистическом обществе, но уже потерявшего старые, принесенные из общества феодального». «Весь творческий путь Булгакова — путь классово-враждебного советской действительности человека».

Звучит как заключение следователя НКВД или приговор «тройки», осуждающей — в лучшем, немислимом случае — на изгнание. О чем, в сущности, и записал «Правительство СССР», то есть непосредственно Сталина, Булгаков в письме, poslanном в марте 1930 года. «После того как все мои произведения были запрещены», писал он, ему стали подавать советы сочинить «коммунистическую пьесу» и «обратиться к правительству СССР с покаянным письмом, содержащим... уверения в том, что отныне я буду работать как преданный идее коммунизма писатель-попутчик».

Далее речь шла о травле, устроенной Булгакову. Приводились цитаты вроде того, что он был и остается «новобуржуазным отродьем, брызжащим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы». И завершалось просьбой «приказать

мне в срочном порядке покинуть пределы СССР». В том же случае, «если то, что я написал, неубедительно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР», хотя бы назначить его «лаборантом-режиссером в I-й Художественный театр». «Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены».

Как известно, последовал телефонный звонок:

«— Здравствуйте, товарищ Булгаков.

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

— Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда — Вы проситесь за границу? Что, мы Вам очень надоели?

— Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю».

И т.д. Это было воспринято едва ли не всеми как знак высочайшего благоволения: Художественный театр мгновенно отдал крыл объятия, выразившиеся, правда, лишь в зачислении Булгакова ассистентом-режиссером; судьба Булгакова-драматурга не переменялась к лучшему. Зато родилась легенда о покровительстве Сталина (с годами трансформировавшаяся в глупейшие и гнуснейшие уверения, будто вожь уберет опального писателя от критиков-евреев, добивавшихся его уничтожения). Что ж, покровительство не покровительство, но некая тяга к Булгакову тут в самом деле была: как-никак Сталин побывал на спектакле «Дни Турбиных» не меньше пятнадцати раз. И, признавая, что ежели от спектакля есть польза, то разве лишь в определенном смысле: вот, мол, «даже такие люди, как Турбины», проиграли большевикам, все же сказал Хмелеву, игравшему роль белого полковника Турбина: «Мне даже снятся ваши черные усики. Заснуть не могу».

Черные усики, белая кость...

Вообще — более чем любопытно: почему, запретив гениальную комедию Николая Эрлдмана «Самоубийца» (как раз за разом запрещались и пьесы Булгакова), Сталин заметит, что в отличие от эрдмановской сатиры, которая «пу-

стовата и даже вредна», Булгаков здорово пробирает. «Против шерсти берет. Это мне нравится». С чего это так симпатичен гребень, не глядящий, а дерущий шерсть?

Разгадка, может быть, в следующем. Семен Семенович Подсекальников, персонаж «Самоубийцы», жалкий, ничтожный, смешной обыватель, доросший, однако, до протестного вопля: «Товарищи, я прошу вас от имени миллиона людей: дайте нам право на шепот. Вы за стройкой даже его не услышите», — этот несомненный плебей, его порода, его природа были понятны плебею Джугашвили, осознававшему свое плебейство с неудовольствием. И как Николай I не мог простить Евгению из «Медного всадника» его «ужо!..», обращенное к истукану Петра, — что, как известно, стало одной из причин запрета, наложенного на поэму, — так мольба Семена Семеновича о праве на уединенный, независимый шепот, о праве на неучастие в «стройке» должна была привести в раздражение Сталина...

Больше того! Божий помазанник Николай Павлович всего лишь был оскорблен за прашура. Выскочка-семинарист, сам поднявшийся из низов, знал, к чему ведет и приводит низменная потребность обывателя — будь то право на шепот или на сытость. Как понимал это и Маяковский, сказавший: «Страшнее Врангеля обывательский быт». Врангеля достаточно разбить наголову один раз, а многоглавая гидра ненавистного власти мещанства просит есть каждый день.

А Булгаков... Если угодно, в странной сталинской тяге к нему, Сталиным же и ввергае-

мому в опалу, — подобие почительности. Даже страха. Не перед самим автором, чья смертная плоть беспомощна рядом со средствами, которыми отлично владеют Ягода или Ежов, и чей дух, как потом оказалось, можно-таки подломить. Нет, перед недоступной и непонятной породой людей, представленной Турбинами и самим Булгаковым...

Письмо «Правительству СССР» запомнилось и отчаянием затравленного Булгакова, и, в качестве результата, звонком Сталина, обманувшего, переигравшего писателя: тот был обнадежен, от мысли об эмиграции отказался, ничего

БУЛГАКОВ, ПОБЕДИВШИЙ ИЛИ КУДА ЗАНОСИТ

не получив взамен. Но, возможно, драгоценней всего в письме автохарактеристика, на которую мало обращают внимания: «Я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ».

Совершенно верно — понимая мистику хоть бы и в бытовом словоупотреблении («Вера в существование сверхъесте-

ственных, фантастических сил» — из общедоступного толкового словаря), хоть бы и так, как в своем специфическом духе толкует словарь философский: «Религиозная практика, имеющая целью переживание в экстазе непосредственного «единения» с абсолютным...». Абсолют же — «духовное первоначало всего сущего, которое мыслится как нечто единое, всеобщее, безначальное и бесконечное и противопоставляется всякому отношению и обусловленному бытию».

Не в том дело, будто Булгаков, чья религиозность сомнительна и уж, во всяком случае, неортодоксальна (чего стоит «Евангелие от Воланда», образ Иисуса-Иешуа, до сих пор вызывающий нарекания), глубоко вникал в философские премудрости. Но независимо от этого его художественный мир уж точно существует вне согласия с «историческим материализмом».

Положим, «Белая гвардия» — относительно «нормальный» роман, продолжающий традицию толстовских семейных романов с заметной поправкой на нервную экспрессивность про-

зы Андрея Белого. Еще более «нормальна» написанная на его основе пьеса «Дни Турбиных», с настойчивой помощью Художественного театра обретшая очертания привычной для него драматургии, чего не скажешь о непробившемся на подмостки при жизни автора «Беге» с его сновидчеством, с ощущением неумолимого рока. Но ведь и более ранние повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» словно готовили исподволь явление в реальной Москве князя тьмы Воланда.

В самом деле: в «Роковых яйцах» чистый случай, который, конечно, нам вольно считать «осознанной закономерностью», рождает почти фольклорных чудищ. В «Собачьем сердце» в результате вмешательства в Божий промысел или природный закон на свет является человекопес — опять нечто из мифологии, как бы ни противился бытовому облику Полиграфа Полиграфовича сравнению с мифическим монстром. И в обоих случаях автор своею волей пресекал разрушительное вторжение чудищ в привычный быт, взбаланив и

Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна

